

Письмо Герцена - Прудону от 26 декабря 1851 г.

Я очень благодарен вам за ваше превосходное письмо от 27 ноября, оно подействовало на меня благотворно. Такое сочувствие (*Далее зачеркнуто: людей, которых мы любим, которых мы безгранично уважаем*) делает наши страдания более человеческими, менее тягостными [1].

Вы говорите: «Торопитесь оплакивать ваши частные горести, ибо вскоре, если последнее усилие примиряющего разума не сведет покоя на землю, вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы станете нечувствительны к собственным бедствиям своим»

Ваши пророческие слова оправдались страшным образом. Примиряющий разум не приложил больших усилий. У меня нет больше слез. Мне иногда кажется, что страшная катастрофа, которая 16-го числа прошлого месяца отняла у меня мать, сына и друга, случилась уже очень давно [2]. За время, истекшее после этого личного несчастья, целый мир потерпел крушение. Его гибель была предвидена. Вы сказали ему два года назад: «Не Каталина стоит у ваших ворот, а смерть». Но горе всегда застаёт врасплох. Смерть, которая тогда стучалась в ворота, теперь приотворила их. Печальная и скорбная обязанность—присутствовать на панихидах и прямо с похорон своих близких перейти на общие похороны, не дав ни малейшего отдыха разбитому сердцу.

Но оставим мертвым хоронить мертвецов. Мы не принадлежим прошлому, которое рушится, мы принадлежим будущему.

Как были бы мы счастливы знать, что вы вне Парижа и вне Франции. Париж—это Иерусалим после Иисуса; слава его прошлому, его великой революции, но путь его завершен. Царство либеральной, цивилизованной, фрондирующей буржуазии прошло. Она продала все, чтобы спасти свои деньги; за эту симонию она заслуживает, чтобы с ней обращались как с неграми, как с русскими. Она боялась чрезмерной свободы—ну что же?

Она получит чрезмерный деспотизм. Она ничего не желала уступить народу, и вот народ сложа руки смотрит, как ее расстреливают. Она выдумала красный призрак, она дрожала перед варварством, которое идет снизу, и вот варварство пришло сверху. Существует ли на свете более бедная идея, чем идея порядка; абстрактный порядок—это механика, это отрицание, инициативы, метаморфозы. Порядок и скупость. Но монархический принцип был в тысячу раз богаче, социальнее, поэтичнее. Полиция и биржа взамен престола и церкви!

Франция, впавшая в детство, и Россия, еще не вышедшая из него, — обе, сгибаясь под унижительным ярмом, оказались на одном уровне. Россия ничего не приобрела, Франция все

потеряла. Деспотизм подготовит огромные возможности для коммунизма, но не для консерватизма. Консерватизм сохранился в одной лишь Англии, и она одна останется великолепным образцом мира цивилизованного, мира христианского и феодального; я думаю, что для нас (до Америки) нет другого места, ибо, если мы и в состоянии различать сквозь варварство красную нить прогресса, то, не будучи к тому принужденным, мне кажется невозможно влачить печальное и унижительное существование среди такой необузданной подлости и раболепства, среди такого разгула произвола и деспотизма. Конечно, можно было бы начать с Швейцарии (я сам натурализовался в Швейцарии), но я не очень-то верю в эту окаменелую республику: «свободны, как горы», говорят швейцарцы, да, но и «бесплодны, как горы» [3].

Ваш труд был безмерен. Вы все сделали, чтобы предупредить об опасности, вы наметили средства спасенья, переходные ступени, органические решения, указали на кризис социальной морфологии, громко требовавшей новых форм. Весь цивилизованный мир от Нью-Йорка до Москвы восхищался вами. А понимала ли вас хоть когда-либо цивилизованная часть Франции? Когда вы говорили—развитие, она понимала—разрушение; вы выступали со словами умиротворения, она принимала их за призыв к войне; ну, а теперь слишком поздно—их постигнет страшный катаклизм. Бедняги боялись потерять на своих процентных бумагах—и вот они потеряли честь, свободы, права, что нисколько не помешает им потерять и на процентных бумагах.

Мы живем пока спокойно, под покровительством *Croce di Savoia* *, но через два-три месяца я думаю покинуть Ниццу. Рассчитывайте, прошу вас, на меня, на мою преданность и дружбу. Я обязан вам больше, чем вы думаете. Гегель и вы,— вот кто наполовину определил мое философское развитие [4] . Я был бы счастлив, если бы мог работать с вами и быть вам полезным.

Жму вашу руку с большой, большой симпатией.

Примечания:

[1] Герцен говорит о письме Прудона от 27 ноября 1851 г. из тюрьмы 81. Pêladle. Оно было напечатано впервые в сокращенном переводе самого Герцена в «Полярной звезде на 1859 год», стр. 222—224 (VI, 536—538).

[2] 16 ноября 1851 г. при кораблекрушении утонули мать Герцена, его сын Коля и воспитатель сына Шпильман.

[3] Эти слова о Швейцарии перекликаются с позднейшими высказываниями Герцена о ней (ср. «Скуки ради. Альпийские виды»).

[4] Заслуживает внимания, что в беловой текст письма это свое утверждение Герцен не перенес. Ср. также в «Былом и думах» (XIII, 447).